

УДК 347.963 (34.07)

*А.А. Шепталин***К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ИСТОКАХ ПРОКУРАТУРЫ
УДМУРТИИ: ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье рассматривается история возникновения и становления органов прокуратуры в Глазовском, Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах Вятской губернии, составивших позднее территориальную основу Удмуртской Республики. Актуальность вопроса связана как с его малоизученностью, так и с продолжающейся сомнительной практикой рассмотрения 1922 года в качестве стартового рубежа в истории прокуратуры Удмуртии. Цель статьи – попытка исторической реконструкции организационно-правовых истоков и последующего развития органов прокуратуры в указанных уездах, а также обоснование в качестве их отправной точки учреждение в 1874 году органов прокурорского надзора при окружных судах в городах Вятке и Сарапуле. В процессе исследования использован широкий спектр общенаучных и историко-правовых методов на основе диалектического подхода и с опорой на большой круг дореволюционных источников, в том числе архивных материалов. Автором обосновывается мысль, что органы прокуратуры задолго до революции 1917 года были важным элементом системы регионального государственно-правового управления, а советская прокуратура 1920-х годов возникла как обновлённый институт, восстановленный на основе обширного дореволюционного опыта и при содействии старых специалистов.

Ключевые слова: прокурорский надзор в Вятской губернии, прокуратура в Глазовском и Сарапульском уездах, истоки прокуратуры Удмуртии.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-6-1113-1121

В связи с 300-летием образования прокуратуры России, отмечаемым 12 января 2022 г., несомненно актуальность и значимость приобретают историко-правовые исследования, позволяющие не только дать общую характеристику отдельных этапов трехвекового пути, но и попытаться выявить свойственные им коллизии и закономерности. Особенно необходимо подчеркнуть важность изучения досоветского периода функционирования института прокуратуры в российской провинции, нередко в советское время предаваемого исследовательскому забвению.

О сохранении в историографии традиций советоцентризма как на федеральном, так и на региональном уровне свидетельствует современная практика ряда государственно-правовых структур, ведущих свое начало на территории Удмуртии с 1917–1922 гг. В качестве примера можно привести популярные книги-альбомы прокуратуры Удмуртской Республики [6; 7; 13] и СУСК по Удмуртской Республике [16]. Вызывает сомнение и сложившаяся практика отсчета истории судебной системы на территории Удмуртии с момента открытия в крае окружных судов в 1874 г. [17; 18], словно до этого судебная деятельность на территории «удмуртских» уездов Вятской губернии в XVIII–XIX вв. не осуществлялась.

На самом деле эти и подобные ошибки целиком и полностью связаны с недостаточной научной разработанностью проблематики генезиса названных институтов. Ярким примером является история прокуратуры Удмуртии, имеющая совершенно недостаточную степень научной разработанности. Вся научная историография этого вопроса насчитывает лишь несколько статей [9; 11] и одну монографию [10]. В ее начале авторы пишут, что «нам представляется необходимым рассмотреть становление и развитие прокуратуры Удмуртии в контексте истории образования прокуратуры в России», но вопреки собственному тезису практически сразу переходят к рассмотрению событий, произошедших после Октябрьской революции 1917 г. [11. С. 19-20]. Авторы, таким образом, не только обошли вниманием досоветский период, но и совершенно не затронули вопрос о возникновении в 1922 г. Сарапульской уездной, а затем окружной прокуратуры, которая, вероятно, по их мнению, к Удмуртии не имеет никакого отношения.

Целью данной статьи является попытка исторической реконструкции организационно-правовых истоков и последующего развития органов прокуратуры в Глазовском, Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах Вятской губернии, составивших позднее территориальную основу Удмуртской Республики, а также обоснование в качестве отправной точки истории прокуратуры в

«удмуртском» Прикамье учреждения в 1874 г. органов прокурорского надзора при окружных судах в городах Вятке и Сарапуле.

В процессе работы использован широкий спектр общенаучных и историко-правовых методов на основе диалектического подхода и с опорой на большой круг дореволюционных источников, в том числе архивных материалов ЦГА УР, а также Памятных книжек и календарей Вятской губернии за 1856–1916 гг. Введение этих материалов в научный оборот позволяет говорить о несомненной научной новизне проведенного исследования.

Система сословного судоустройства и судопроизводства в России всегда вызывала большое количество нареканий самого разного характера – от многолетней волокиты до повсеместного мздоимства. Ситуация ещё более усложнилась в пореформенное время. С отменой крепостного права упразднялась и помещичья юрисдикция, что в короткий срок привело к многократному росту нагрузки, как на суды, так и на органы прокуратуры. Огромное количество мелких дел и споров, которые раньше не выносились в публичное пространство, теперь оказалось в очереди за отправлением правосудия. Созданные в 1861 г. волостные суды судили по нормам обычного права, и крестьянский самосуд на пару десятилетий стал рядовым явлением [3. Д. 633]. Не справлялись с нагрузкой и городские магистраты, поскольку население городов Вятской губернии стремительно увеличивалось из-за притока безземельных крестьян. Лоскутное правовое пространство империи, на половине которой государственные законы просто не действовали, трещало по швам и погружалось в правовой хаос, лишь внешне задрапированный наличием официального законодательства и органов юстиции.

Судебная реформа коренным образом повлияла на трансформацию роли и функций прокуратуры в административно-правовом устройстве Российской империи, что получило своё отражение в «Учреждении судебных установлений». Прежде всего, судебные уставы предусматривали разделение всей территории страны на судебные округа (границы которых в большинстве случаев совпадали с границами губерний) и создание окружных судов, в аппарат которых входили окружные прокуроры с несколькими товарищами (заместителями) и делопроизводителями. Институты губернских прокуроров и уездных стряпчих, таким образом, по мере открытия в той или иной губернии окружных судов упразднялся.

Переход к состязательному процессу потребовал формирования новой модели поддержания государственного обвинения, отделенной от суда. Если раньше суд сам был занят поиском фактов для обвинения и невольно заранее занимал предвзятую позицию, то теперь, по словам Н.В. Муравьева, «орган правосудия мог оставаться спокойным и безпристрастным судьей обвинения, которое прокурор подготавливает, разрабатывает и формулирует...» [12. С. 439].

Если ранее возможность подачи иска прокурором в интересах закона, правительства и общества как «истцом по делам безгласных», была, по сути, лишь «незначительным и почти фиктивным придатком» к надзорным обязанностям, то теперь прокурор превратился в сильного государственного обвинителя, обладавшего рядом особых полномочий, например, возможностью принесения протеста в суде первой инстанции. Он перестал быть «пассивным надсмотрщиком» за судебным процессом и контролером законности конечного судебного решения, он стал активным участником и «деятельным помощником» в процессе установления истины, в должной мере способствуя осуществлению публичных интересов.

Важно заметить, что претерпел метаморфозы и характер прокурорской деятельности, который эволюционировал от письменной келейной формы до публичных пламенных выступлений в многолюдных залах судебных заседаний. Более того, получивший специализированное юридическое образование прокурор стал своего рода «правительственным юрисконсультom», способным дать, при необходимости, наиболее точные и актуальные пояснения и по гражданским, и по уголовным делам, причём не только простым гражданам, но и менее опытным мировым судьям, а также городским, уездным и губернским органам управления.

Хотя деятельность прокуратуры в пореформенное время сместилась преимущественно в сферу государственного обвинения, за ней, тем не менее, сохранились определённые надзорные функции, причём не только в пределах судебно-следственной деятельности. Так, прокуроры осуществляли надзор в губернских по крестьянским делам присутствиях, в губернских правлениях по освидетельствованию душевнобольных, земским, городским и фабричным делам. За прокуратурой сохранялась функция надзора за надлежащим содержанием арестантов и колодников. Помимо того, прокуроры получали право возбуждения дисциплинарных дел, связанных с профессиональной деятельностью присяжных поверенных (адвокатов).

В сравнении с предыдущими периодами теперь прокуратура приводилась в единую централизованную иерархичную систему во главе с министром юстиции – генерал-прокурором. Прокурорский надзор в Сенате осуществляли обер-прокуроры и их товарищи. Ступенью ниже находились прокуроры судебных палат с товарищами. К каждой судебной палате относилось несколько окружных судов, их прокуроры с товарищами теперь составляли базовый уровень органов прокуратуры вплоть до уездов.

В старом формате (прокурор и 2 стряпчих – по уголовным и по казённым делам) камера вятского губернского прокурора функционировала вплоть до 1869 г., когда вместо стряпчих в штате появились 5 товарищей прокурора, каждый из которых отвечал за надзор в 2–3 уездах. Первым товарищем прокурора по Глазовскому и Слободскому уездам стал надворный советник К.В. Граф (1870–1873), которого в 1874 г. сменил титулярный советник И.Е. Стельмахович. Первым товарищем прокурора, «заведывающим» Сарапульским и Елабужским уездами, стал коллежский секретарь А.Н. Гофман (1870–1873), которого вскоре сменил коллежский асессор А.И. Самуильсон (1873–1875).

Камера вятского губернского прокурора была упразднена с открытием в Вятской губернии 1 июля 1874 г. сразу двух окружных судов – Вятского и Сарапульского. Юрисдикция Вятского суда распространялась на 8 уездов: Вятский, Глазовский, Котельничский, Нолинский, Орловский, Слободской, Уржумский и Яранский. Первым прокурором Вятского окружного суда в 1874–1879 гг. стал выпускник Санкт-Петербургского университета надворный советник А.Н. Сенявин, имевший на тот момент опыт работы судебным следователем в Казани и товарищем прокурора Самарского окружного суда.

К ведению Казанской судебной палаты относились 7 окружных судов: Казанский, Симбирский и Самарский были открыты в 1871 г., а Вятский, Сарапульский, Пермский и Екатеринбургский начали работу в 1874 г. Сарапульский суд был единственным, созданным не в губернском городе, а в уездном, благодаря настойчивым ходатайствам в адрес министра юстиции от сарапульцев, сославшихся на дальность расстояний и густонаселённость юго-востока Вятской губернии. Сарапульский суд был небольшим и в его ведении находились лишь 3 уезда – Сарапульский, Елабужский и Малмыжский. Однако на практике, по словам современников, «по особому на каждый раз определению Судебной палаты» в Сарапул передавались слушанием многие уголовные дела соседних Осинского и Бирского уездов, относившихся к Пермскому и Уфимскому окружным судам соответственно.

Первым собственно прокурором в истории удмуртского края стал прокурор Сарапульского окружного суда, выпускник Харьковского университета, титулярный советник Эдмонд Петрович Фальковский. Несмотря на относительную молодость он уже «выслужил» к 1875 г. орден Св. Станислава 2-й степени и годовое жалованье в 2 тыс. руб., что было даже больше чем у губернатора. Сарапульский прокурор имел четырёх заместителей, между двумя из них был распределён Сарапульский уезд, ещё двое «заведовали» Елабужским и Малмыжским уездами.

Надо заметить, что, помимо жалованья, прокуроры, судьи и судебные следователи получали столовые и квартирные деньги, которые, как правило, в совокупности были сопоставимы с размером жалованья.

Стремление правительства к назначению на должности судей, судебных следователей и прокуроров лиц с профильным юридическим образованием способствовало тому, что в российскую глубинку, включая Вятскую губернию, в поисках «места» приезжали молодые выпускники ведущих высших учебных заведений страны. На первых порах они прибывали чаще всего из Санкт-Петербургского, Московского и Харьковского университетов, а с конца 1870-х гг. также из Казанского университета и Демидовского юридического лицея в Ярославле. Однако после пары лет службы в глухой провинции молодые чиновники, освоившись и получив практический опыт, старались перевестись поближе к губернским и столичным городам.

Кроме того, очевидным было стремление судебных следователей и товарищей прокуроров к переходу на судебские должности, где жалованье и иные выплаты были несколько выше, а служба проходила в больших городах и не была связана с постоянными разъездами по волостям и уездам. К началу XX в. большинство членов окружных судов по всей стране имели тот или иной опыт работы в прокуратуре или следствии. Впрочем, при перспективе очевидного карьерного роста или переезда на удобное местожительство и судьи вполне могли перейти на службу в прокуратуру при более высокой инстанции, например, в судебную палату или в кассационный департамент Сената.

По указанным причинам текучесть кадров в органах прокуратуры и следствия с самого начала была достаточно высокой, особенно в Глазове. Товарищи прокурора Вятского окружного суда в Глазовском уезде менялись практически каждые 2–3 года: в конце 1870-х гг. – И.Е. Стельмахович, Саран-

ский и Л.С. Драверт, в 1880-е гг. – Ф.А. Брокмиллер, А.А. Осетров, Г.И. Дешковский, М.Е. Матвеевский, в 1890-е гг. – А. А. Бучаринин, К. Н. Андреев. С.А. Покровский, в 1900-е гг. – Э. Ф. Грузевский, В. И. Шкляев. С.М. Чешков, в 1910-е гг. – В. Д. Михайлов, А. П. Божерянов и другие.

В Сарапульском уезде ситуация с прокурорами и их товарищами развивалась несколько иначе. Так, на протяжении 20 лет, с 1879 по 1899 г., прокурором окружного суда был выпускник Московского университета Николай Иванович Шубин, дослужившийся здесь до чина статского советника. В 1900-е гг. вплоть до революции 1917 г. прокурорами Сарапульского суда были коллежский советник Н.И. Раевский (1900–1901), надворный советник Б. О. Казицын (1901–1902), статский советник И.И. Августинovich (1903), статский советник А.П. Чиркин (1904–1906), статский советник М.П. Групильтон (1906–1907), коллежский советник А.А. Гильков (1907–1909), коллежский советник Карасёв (1909–1910), коллежский советник В.И. Шкляев (1911–1916).

Социально-экономическая жизнь страны в последней четверти XIX в. стремительно ускорялась, порождая многочисленные противоречия вследствие активного развития капиталистических отношений, проникавших и в российскую глубинку. Социальное напряжение нарастало, поскольку крестьянской реформой было недовольно не только большинство крестьянства, но, так или иначе, и значительная часть помещиков-землевладельцев. Суды в 1870–1880-е гг. практически постоянно рассматривали дела по обвинению крестьян в неповиновении, богохульстве, святотатстве, надругательствах над иконами, поношении церкви и государя императора. Прокуратура, осуществляя в этот период судебное преследование по государственным преступлениям, стала важным элементом системы борьбы с радикальным народничеством, причём нередко в ущерб законности.

Особенно это стало проявляться после убийства народовольцами императора Александра II в марте 1881 г., имевшего далеко идущие последствия. Взошедший на российский престол Александр III внёс существенные коррективы в реализацию внутренней государственной политики, получившие позднее название контрреформ. Уже в августе 1881 г. было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», позволявшего без суда и следствия высылать в другие губернии нежелательных лиц, закрывать учебные заведения из-за волнений студентов, а также объявлять любую губернию или уезд на положении «усиленной, чрезвычайной охраны».

Среди изменений следует, прежде всего, отметить появившееся у полиции и жандармерии право производить без санкции прокурора обыски и выемки во всех помещениях, задержания на срок до двух недель по подозрению в причастности к государственным преступлениям; сокращение полномочий судебных следователей в рамках дознания и предварительного следствия; увеличение требований к кандидатам в судьи, введение дополнительных оснований для смещения или перевода судей; ограничение открытости уголовного и гражданского судопроизводства; сокращение полномочий суда присяжных заседателей; усиление прокурорского надзора за деятельностью адвокатуры. Кроме того, упразднился институт мировых судей в уездах, где функция отправления правосудия фактически передавалась административным органам. Наконец, принятие в 1892 г. закона «О военном положении» позволило вводить особый правовой режим в любой местности и упрощало процедуру применения смертной казни в таких районах.

Был усилен прокурорский надзор за распространением сектантства, за учетом печатных станков и шрифтов, за переходом из рук в руки типографий, литографий и металлографий [1. Д. 10, л. 1-1об.]. Поступали также и иные предложения по изменениям в системе прокурорского надзора, например, по введению надзора за административными органами и расширению сферы общего надзора, но они не получили поддержки. В целом эта система без серьезных изменений функционировала вплоть до 1917 г.

Деятельность прокуратуры на территории Глазовского и Сарапульского уездов в последней четверти XIX в. мало чем отличалась от осуществляемой в других уголках европейской части страны. Пожалуй, единственное, что необходимо отметить, это немалое количество уголовных дел, так или иначе связанных с «подстрекательством» к уклонению в раскол и «сворачиванием» новокрещённых удмуртов к участию в совершении языческих обрядов.

Именно на фоне повсеместной церковно-административной борьбы с языческими пережитками в 1892 г. в селе Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии произошли события, положившие начало одному из наиболее громких судебных процессов в истории дореволюционной России – так называемому Мултанскому делу [19]. В его справедливом исходе знаменитому обер-прокурору кассационного департамента Сената А.Ф. Кони довелось сыграть настолько значимую

роль, что его не раз в краеведческой литературе называли «защитником» мултанских удмуртов, хотя беспристрастный обер-прокурор, будучи в профессиональном отношении судьей и государственным обвинителем, но никак не адвокатом, всегда и при любых обстоятельствах стоял на страже Закона.

Довольно грубые ошибки прокуратуры, допущенные в ходе дознания и предварительного следствия, а также на самом процессе, можно объяснить недостаточным опытом Н.И. Раевского, лишь первый год работавшего товарищем окружного прокурора по Малмыжскому уезду. Общий негативный фон вынудил его на несколько лет покинуть Сарапульский окружной суд. Однако в 1900 г. он туда вернулся уже в качестве прокурора. Впрочем, его второе пришествие оказалось недолгим, и уже в 1901 г. ему пришлось покинуть Среднее Прикамье окончательно.

К концу XIX в. на фоне регулярных неурожаев, тяжёлых эпидемий и эпизоотий недовольство доведенных до отчаяния крестьян нередко выплёскивалось через край. Из бежавших от беспросветной нищеты в города и заводские поселки крестьян формировался пролетариат, который являлся питательной средой для нарождавшегося революционного движения. Определённую роль сыграло и то обстоятельство, что Вятская губерния стала крупным центром политической ссылки, в том числе Сарапульский и, особенно, Глазовский уезд. В последнем довелось отбывать ссылку достаточно известным общественно-политическим деятелям, из которых, прежде всего, необходимо выделить уже широко известного на тот момент писателя, прозаика и журналиста В.Г. Короленко, привлечённого своими публикациями поистине мировое внимание к ходу Мултанского процесса.

Политическая полиция – жандармерия – получила в 1890-е гг., по сути, карт-бланш на усмирение недовольных и на привлечение к уголовной ответственности любого лица, замеченного в недостаточной лояльности к самодержавию. Уголовные дела, заведенные на незадачливых крестьян и городских обывателей, неосторожно высказавшихся о государе-императоре под пьяную руку, рассматривались Вятским и Сарапульским окружными судами десятками [1. Д. 11].

Надо отдать должное органам прокуратуры, которые в тот период отнюдь не превратились в слепой инструмент борьбы с инакомыслием, а, понимая истоки народного недовольства, довольно педантично старались «отделить зерна от плевел». В целом им удавалось сдерживать ретивость губернского жандармского управления в рамках закона. Так, вятский прокурор А.Н. Сенявин в одном из писем товарищу прокурора по Глазовскому уезду Саранскому предупреждал того по поводу многочисленных недостатков, «общих многим дознаниям» по политическим делам, проводимым чинами Отдельного корпуса жандармов.

В первую очередь прокурор указывал на «оставление без исследования отношений между заявителем, обвиняемым и свидетелями» в тех случаях, когда вражда и сведение счётов являлись единственным мотивом многих наветов. Также прокурор констатировал, что по делам об оскорблениях государя «не выясняется с возможной точностью состав оскорбительной фразы, произнесённой обвиняемым, или вовсе оставляется без внимания пояснение обвиняемого, что им ругательное выражение потреблено в безличной форме, без всякого отношения к определённому лицу, по привычке, так свойственной многим крестьянам, прибавлять к своей речи, кстати и не кстати, площадные слова» [1. Д. 1, л. 39].

Кроме того, не имевшие юридической подготовки жандармы в большинстве случаев не собирали многих необходимых сведений об обвиняемом: об образе жизни, занятии и средствах к жизни, семейном положении, грамотности, наличии или отсутствии судимости и т. п. Безусловно, эти и иные нарушения сказывались на качестве обвинительных заключений и нередко вели к прекращению уголовного преследования.

К 1899 г. революционный «призрак», до того гулявший по крупным городам Европы и России, добрался до Прикамья, где по мере развития экономического кризиса на рубеже веков революционная ситуация усиливалась. В 1902–1903 гг. по краю широко прокатились забастовки, организованные при содействии партий эсеров и социал-демократов, создавших свои ячейки в Сарапуле, Глазове, в поселках Ижевского и Воткинского заводов.

Активное выявление зачинщиков полицией и жандармами привело к тому, что суды и органы прокуратуры практически по всей стране перестали справляться с валом уголовных дел. По этой причине еще в 1902 г., то есть за несколько лет до первой русской революции, министерству юстиции пришлось увеличивать штаты и дополнительно ввести по всей стране 69 должностей товарищей прокурора окружного суда с целью усиления прокурорского надзора. Получила вскоре подкрепление и прокуратура Сарапульского окружного суда. Теперь прокурорский надзор в уезде, разделённом на

3 участка, стали осуществлять 3 товарища прокурора, курировавшие, соответственно, город Сарапул с ближайшей округой, а также огромные Ижевский и Воткинский поселки с прилегающими волостями. На Елабужский и Малмыжский уезды по-прежнему приходилось по одному товарищу прокурора. Подкрепление затронуло и техническую сторону – в 1904 г. в сарапульских суде и прокуратуре впервые появились пишущие машинки.

Тяжелое поражение России в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. еще более осложнило общую социально-политическую и экономическую ситуацию по всей стране. На начальном этапе революции судебные-следственные органы и прокуроры занимали достаточно лояльную позицию. Об этом свидетельствуют неоднократные сигналы из министерства юстиции и других инстанций, что прокуроры в Вятской губернии, в частности, товарищ прокурора по Глазовскому уезду, позволяют политическим заключенным продолжительные свидания с родственниками и даже разрешают им держать письменные принадлежности в камере [1, Д. 103, л. 55].

Имела место определённая либеральность и со стороны судей, вследствие чего министр юстиции поручил прокурорам судебных палат и окружных судов не допускать проведения судебных разбирательств по некоторым политическим делам при открытых дверях, а на основании временных правил о повременных печатных изданиях «неукоснительно предлагать судебным палатам или окружным судам, по подсудности, о закрытии дверей судебного заседания по наиболее выдающимся делам указанного свойства, относительно коих представляется, в интересах ограждения общественного порядка и спокойствия, желательным устранить разглашение в печатаемых судебных отчётах статей сенсационного характера...» [1. Д. 116, л. 2].

Ещё в конце XIX в. в Сарапуле и Глазове были отстроены новые здания тюремных замков на 400 и на 200 человек соответственно. Решительная борьба с революционным движением на Ижевском и Воткинском заводах привела к скорому переполнению камер, вследствие чего в Сарапуле для содержания арестантов стали временно использоваться даже гостиницы, а затем и речные баржи. Из Казани прибыл военно-полевой суд, существенно ускоривший процесс вынесения приговоров.

Суд был скорым на приговоры не только к ссылке и каторге, но и к смертной казни, приводившейся в исполнение прямо во дворе сарапульской тюрьмы. Только летом 1907 г. там казнили через повешение 7 человек, по поводу чего газета «Вятская жизнь» писала: «Число смертных приговоров по Сарапульскому уезду превысило число всех смертных приговоров ко всем остальным десяти уездам губернии, вместе взятым».

Поскольку немалая часть противоправных действий и преступлений в революционные годы совершалась в состоянии алкогольного опьянения, государство жёстко упорядочило торговлю водкой и повело решительную борьбу с самогонварением. Значительные усилия прокуратуры в Глазовском и Сарапульском уездах в это время направлялись на обеспечение законности по делам о кумышковарении, поскольку варение кумышки – национального обрядово-ритуального напитка удмуртов, несмотря ни на какие запреты, было широко распространено среди удмуртского населения и периодически подвергалось преследованию со стороны государства, вызывая ответную реакцию [20].

Суды были завалены подобного рода делами, нередко имевшими признаки злоупотреблений и превышения полномочий со стороны органов полиции, которые пытались привлечь к ответственности даже при обнаружении лишь одного какого-либо элемента «кумышечного аппарата», например, змеевика. Штраф за кумышковарение или хранение аппарата составлял 10 руб., но поскольку многие крестьяне, не имея средств или считая наказание несправедливым, категорически отказывались его платить, то подлежали тюремному аресту сроком в 1 месяц. Судя по документам, органы прокуратуры по мере возможности противостояли полицейскому произволу, приносили протесты и способствовали освобождению крестьян от наказания «за силу Манifestа» [1. Д. 93, 95].

Будучи не в состоянии повлиять на улучшение ситуации с тюрьмами и местами каторги, министр юстиции – генерал-прокурор И. Г. Щегловитов предписывал в 1908 г. прокурорам судебных палат расследований по жалобам не производить, а передавать их, по принадлежности, губернатору или губернскому тюремному инспектору, так как проблема могла быть решена лишь при финансировании из губернского и земского бюджетов. Увеличение числа лиц, осужденных на каторгу, привело к переполнению каторжных центров Сибири, в связи с чем партии арестантов подолгу задерживались в тюрьмах на этапах в ожидании отправки по месту каторжных работ. В 1908 г. это повлекло высокую смертность среди арестантов из-за вспышки в местах заключения эпидемии тифа.

На этом крайне негативном фоне в тюрьмах периодически вспыхивали бунты, вследствие чего прокурорам, осуществлявшим надзор за местами заключения, предписывалось активнее использовать решительные дисциплинарные меры, которые «...нередко являются единственным средством к прекращению в самом начале возникающих беспорядков, принимающих в противном случае весьма часто уже серьезную форму, делающую необходимым участие для подавления их вооруженной силы» [1. Д. 115, л. 14об.].

Дела в революционные годы накапливались месяц за месяцем не только у судей и прокуроров. Так, например, у троих судебных следователей Глазовского уезда в том же 1908 г. числилось от 62 до 85 неоконченных следственных дел, включая «старые» – более года. Возросшая бюрократизированность следствия и прокуратуры в совокупности с ростом объемов работы привела к тому, что, как следует из письма вятского прокурора Глазовскому товарищу прокурора, «дела от судебных следователей идут по месяцу, а иногда по два и по три и от товарищей прокурора до камеры моей по неделе и более, хотя большая половина товарищей проживает в г. Вятке. Такое продолжительное путешествие дел дает мне основание предполагать, что или судебные следователи направляют дела задними числами или же товарищи прокурора записывают их несвоевременно в настольный реэстр» [1. Д. 115, л. 26-26об.].

В таких условиях возвращение «старых» дел на доследование расценивалось в качестве самого настоящего ЧП, вызывавшего особый гнев прокурора Казанской судебной палаты. Правда, надо отметить, что на общем фоне работа и судебных следователей, и судей Сарапульского окружного суда по большинству показателей была на весьма хорошем счету, что в немалой степени было заслугой его многолетнего председателя – С.П. Урюпина, имевшего за плечами большой стаж прокурорской работы.

С 17-летним сроком пребывания в должности Урюпина контрастирует частая сменяемость в 1900-е гг. прокуроров Сарапульского окружного суда – 7 человек за 10 лет. Это было обусловлено самыми различными причинами, от переезда в другую губернию в связи с состоянием здоровья или по семейным обстоятельствам до выхода в отставку и повышения по службе. Относительно окружного прокурора А.А. Гилькова можно сказать, что он был переведён в 1909 г. прокурором суда в Екатеринбург после нареканий Казанской судебной палаты в его адрес из-за большого числа смертных приговоров, приведённых в исполнение в Сарапуле в революционные годы.

В конце 1910 г., на фоне рассмотрения в столице ходатайства городской думы об образовании Прикамской губернии с центром в Сарапуле, председателю суда С.П. Урюпину удалось решить весьма сложный вопрос о выделении достаточных средств на масштабную реконструкцию здания окружного суда, ставшую необходимой ввиду увеличения штата суда и прокуратуры. Она предусматривала, что к зданию пристроят два крыла и сделают надстройку четвертого этажа, что и было осуществлено в 1912–1913 гг.

Передышка от революционных бед и потрясений как для страны, так и для Среднего Прикамья оказалась недолгой. Уже в 1914 г. Российская империя втянулась в пучину Первой мировой войны, что уже в 1916 г. привело страну к стремительному падению уровня жизни. Прокуратуре и жандармам в этот период, помимо прочего, пришлось столкнуться с серьезным ростом числа оскорблений в адрес царя и его семьи со стороны не только крестьян и рабочих, но и практически всех иных страт населения, причем даже от военнопленных, размещенных в Глазовском и Сарапульском уездах [1. Д. 147]. Пожалуй, в этот период, 1915–1916 гг., репрессивно-обвинительная функция прокуратуры на какой-то момент достигает максимального значения.

После Февральской революции первым министром юстиции Временного правительства стал А.Ф. Керенский, которому автоматически досталась и должность генерал-прокурора. Он практически сразу приступил к демократизации прокурорско-надзорного права и ослаблению его обвинительно-карательной направленности, распорядившись выпустить всех политических заключённых и наполовину сократить сроки заключения остальным лицам. Освобождение десятков тысяч уголовников, прозванных в народе «птенцами Керенского», вызвало бурю негодования в прокурорском сообществе. Из-за непослдовательных действий руководства минюста и правительственного кризиса начался настоящий раздрай, вследствие чего за 8 месяцев сменилось 6 министров юстиции – генерал-прокуроров.

Прокурорам на фоне неуклонной криминализации и дезорганизации общества пришлось смириться с отменой смертной казни, военно-полевых судов, упразднением Верховного уголовного и Высшего дисциплинарного судов Сената, а также ряда других структур. Деятельность органов прокуратуры, в полной мере соответствовавших общему состоянию государства, в общих чертах сохра-

нила прежний характер, но при этом в значительной мере была парализована охватившим страну в марте – июле 1917 г. двоевластием и общей потерей управляемости.

Де-юре система прокурорских органов просуществовала в России до 24 ноября 1917 года, когда Совет народных комиссаров от имени захвативших власть большевиков принял Декрет о суде № 1, которым упразднились все судебные установления – окружные суды, судебные палаты, Правительствующий сенат, а также институты прокуратуры, судебных следователей, присяжной и частной адвокатуры. Де-факто в российской провинции суды и прокуроры прекратили деятельность в период с ноября по январь 1918 г. Например, в Сарапуле это произошло после «пивного» погрома 9–10 ноября, когда в ходе массовых беспорядков в городе сгорели архивы суда и здание уездного тюремного замка, а здание суда сильно пострадало от пожара.

С разгоном в Санкт-Петербурге 6 января 1918 г. Учредительного собрания в истории российской прокуратуры окончательно завершился «судебно-обвинительный» период, в большей степени соответствовавший европейскому опыту и принципиально отличавшийся в функциональном отношении от «надзорного» периода XVIII – первой половины XIX в.

На период Гражданской войны и военного коммунизма в связи с появлением представлений о «революционной законности» органы прокуратуры формально были упразднены, но их надзорно-карательные функции никуда не исчезли, а лишь временно перешли к ряду порождённых революцией структур – ВЦИК, СНК, НКЮ, ВЧК, РКИ и другим. В 1922 г., в отличие от Петровской эпохи, органы прокуратуры не рождались в муках фискально-рекетмейстерских экспериментов, не возникли из ниоткуда, а были восстановлены на новый лад на основе обширного дореволюционного опыта и при содействии старых «спецов», как и многое другое в молодом советском государстве. Таким образом, советская прокуратура 1920-х гг. была не новым, а лишь существенно обновлённым институтом, организационно-правовые истоки которого на территории Удмуртии следует увязывать с появлением в 1874 г. органов прокурорского надзора при окружных судах в городах Вятке и Сарапуле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 125. Оп. 1. Товарищ прокурора Вятского окружного суда по Глазовскому уезду. 1874–1917 годы.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 126. Оп. 1. Глазовский уездный суд. 1796–1869 гг.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 241. Оп. 1. Сарапульский уездный суд. 1814–1869 гг.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 257. Оп. 1. Сарапульский окружной суд. 1872–1918 гг.
5. Памятные книжки и календари Вятской губернии на 1857, 1860, 1870–1871, 1873, 1875, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916 годы.
6. 285 лет прокуратуре Российской Федерации. Ижевск: Изд. дом «Секреты красоты и здоровья», 2007. 58 с.
7. Быть прокурором / под ред. Л. Роднова. Ижевск, 2001. 528 с.: ил.
8. Власть и Закон. Губернаторы и прокуроры Пермского края. XVIII – начало XX в.: сборник / сост. Н.А. Зенкова, О.А. Мельчакова. Пермь: Пушка, 2020. 512 с.
9. Войтович В.Ю. Организационно-правовое становление и развитие прокуратуры в Удмуртии // Право: теория и практика. Ижевск: Детектив-информ, 2002. С. 66–74.
10. Войтович В.Ю., Козлова Л.Н. Прокуратура Удмуртии (становление и развитие). Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2019. 258 с.
11. Козлова Л.Н. Образование прокуратуры в Удмуртской Республике (1920–1924 гг.) // Вестник Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 26, вып. 5. С. 105–108.
12. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Пособие для прокурорской службы. М., 1889. 552 с.
13. Призвание – прокурор. Прокуратуре Удмуртской Республики посвящается / под ред. Л. Роднова. Ижевск, 2011. 196 с.
14. Прокуратура Российской империи в документах, 1722–1917: хрестоматия / В.В. Лавров, А.В. Ерёмин, Н.М. Иванова; под. ред. Г. В. Штадлера. СПб.: СПб. юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2018. 172 с.
15. Профессия – следователь прокуратуры / ред. кол.: В. М. Походин и др. Ижевск: Гарант Принт, 1996. 88 с.

16. Служа закону – служим Отечеству. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике. 10 лет. Ижевск: Парацельс, 2017. 432 с.
17. Становление правосудия на территории Удмуртии: открытие Сарапульского окружного суда // Судебный вестник Удмуртии. 2014. № 2. С. 16-20.
18. Фитилёва Я.В. Становление правосудия в Удмуртской Республике // Судья. 2014. №11. С. 55-58.
19. Шепталин А.А. Правовой аспект Мултанского дела в Удмуртии // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. P. 225-262.
20. Шепталин А.А. Эволюция правового статуса удмуртского этноса в составе Российского государства // 100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития: сб. материалов Форума. Т. 1. Ижевск: УдГУ, 2020. С. 40-47.

Поступила в редакцию 26.10.2021

Шепталин Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: sheptalin@list.ru

A.A. Sheptalin

**ON THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL ORIGINS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE
OF UDMURTIA: PROSECUTOR'S OFFICES IN VYATKA PROVINCE IN XIX – EARLY XX CENT**

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-6-1113-1121

The article deals with the problem of the emergence and formation of prosecutor's offices in Glazovsky, Sarapulsky, Yelabuga and Malmyzhsky uyezds of Vyatka province, which later formed the territorial basis of the Udmurt Republic. The relevance of the issue is connected both with its poorly studied nature and with the continuing dubious practice of considering 1922 as the starting point in the history of the Udmurt prosecutor's office. The purpose of the article is an attempt of historical reconstruction of the organizational and legal origins and subsequent development of the prosecutor's offices in these uyezds, and also the justification of the establishment in 1874 of prosecutorial supervision bodies at the district courts in Vyatka and Sarapul as the starting point in the history under consideration. In the process of research, a wide range of general scientific and historical-legal methods were applied, based on a dialectical approach and using pre-revolutionary sources, including archival materials. The author substantiates the idea that the prosecutor's office long before the revolution of 1917 was an important element of the system of regional state-legal management, and the Soviet Prosecutor's Office of the 1920s emerged as an updated institution, restored on the basis of extensive pre-revolutionary experience and with the assistance of old specialists.

Keywords: prosecutor's supervision in Vyatka province, prosecutor's office in Glazovsky and Sarapulsky uyezds, origins of the Udmurt prosecutor's office.

Received 26.10.2021

Sheptalin A.A., Candidate of History, Associate Professor at Department of theory and history of state and law
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: sheptalin@list.ru